

https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2025.22.3.034

УДК 811.113.6'373.23 + 811.161.1'373.23 + 811.113.6'373.46 + 930.2(485) +
+ 81'373.211.1 + 325.36(485)

Александр Владиславович Дмитриев

кандидат филологических наук, доцент Высшей школы лингвистики и педагогики, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (195251, Санкт-Петербург, вн. тер. г. муниципальный округ Академическое, ул. Политехническая, 29б); старший научный сотрудник отдела диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка, Институт лингвистических исследований РАН (199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., 9)

E-mail: avd84@list.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3632-793X>

Деантропонимные и деапеллятивные модели в шведской топонимии Ингерманландии XVII в.: сравнительно-исторический аспект

Аннотация

В статье рассматриваются структурно-семантические особенности и модели образования топонимов шведского происхождения в Ингерманландии XVII в. Цель исследования — выявление, систематизация и структурно-семантический анализ деантропонимных и деапеллятивных моделей в шведской топонимии Ингерманландии в сравнительно-историческом аспекте. Работа опирается на комплексный анализ обширного массива исторических источников, включая шведские писцовые книги и картографические материалы XVII в. Методологический инструментарий исследования включает структурно-семантический, сравнительно-исторический, этимологический и картографический методы, а также компаративный подход к сопоставлению топонимических моделей Ингерманландии с аналогичными моделями на территории Швеции. Из корпуса С. Кепсу (~ 3 300 ойконимов) отобрано 58 топонимов шведского происхождения по строгим морфологическим, документальным, хронологическим и функциональным критериям. Особое внимание удалено анализу топонимов Западной Ингерманландии, представляющих интерес с точки зрения переноса названий из других регионов Шведской империи. Установлено, что в Ингерманландии, в отличие от Финляндии и Эстонии, шведская топонимия была преимущественно административно-элитарным феноменом. Шведские топонимы возникали главным образом как названия дворянских усадеб и поместий, что отражало процессы социального самоутверждения и конструирования аристократической идентичности. Выявлены региональные различия: в западных районах преобладала модель «деревня → поместье», в восточных — деантропонимные образования с облагораживающими формантами. Определена особая роль географических терминов-формантов (*-berg*, *-dal*, *-holm*, *-lund*), которые в ингерманландском контексте утрачивали свое первоначальное ландшафтное значение и приобретали функцию социального маркирования. Полученные результаты свидетельствуют о том, что шведская топонимическая система Ингерманландии XVII в., несмотря на относительную немногочисленность названий, представляет собой уникальный

культурно-исторический феномен, отражающий сложные процессы этнокультурного взаимодействия и административно-территориального управления в регионе.

Ключевые слова

историческая топонимика; Ингерманландия; шведские топонимы; деантропонимные модели; деапеллятивные модели; трансонимизация; шведские формулы именования; ойконимия; шведская колонизация

Для цитирования

Дмитриев А. В. Деантропонимные и деапеллятивные модели в шведской топонимии Ингерманландии XVII в.: сравнительно-исторический аспект // Вопросы ономастики. 2025. Т. 22, № 3. С. 206–238. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2025.22.3.034

Рукопись поступила в редакцию 11.03.2025

Рукопись принята к печати 15.06.2025

Alexander Vladislavovich DMITRIEV

PhD, Associate Professor of the Higher School of Linguistics and Pedagogy, Peter the Great St Petersburg Polytechnic University (29b, Polytechnicheskaya St., Akademicheskoye Municipal District, 195251 St Petersburg, Russia); Senior Researcher at the Department of Dialect Lexicography and Linguistic Geography of the Russian Language, Institute for Linguistic Studies of the RAS (9, Tuchkov Ln., 199053 St Petersburg, Russia)

Email: avd84@list.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3632-793X>

Deanthroponymic and Deappellative Models in Swedish Toponymy of 17th-century Ingemanland: Comparative-Historical Aspect

Abstract

The article examines the structural-semantic features and formation models of toponyms of Swedish origin in 17th-century Ingemanland. The study aims to identify, systematize and conduct a structural-semantic analysis of deanthroponymic and deappellative models in Swedish toponymy of Ingemanland from a comparative-historical perspective. The research is based on a comprehensive analysis of an extensive array of historical sources, including Swedish cadastral books and cartographic materials of the 17th century. The methodological toolkit includes structural-semantic, comparative-historical, etymological and cartographic methods, as well as a comparative approach to juxtaposing toponymic models of Ingemanland with similar models in Sweden. From S. Kepsu's corpus (~3,300 oikonyms), 58 toponyms of Swedish origin were selected according to strict morphological, documentary, chronological and functional criteria. Special attention is paid to the analysis of western Ingemanland toponyms, which are of interest from the perspective of transferring names from other regions of the Swedish Empire. The study finds that, in contrast to Finland and Estonia, Swedish toponymy in Ingemanland was predominantly an administrative-elitist phenomenon. Swedish toponyms emerged mainly as names of noble estates and manors, reflecting the processes of social self-assertion and construction of aristocratic identity. Regional variation was observed: in western

areas, derivational models based on “village → manor” predominated, while eastern areas more frequently featured deanthroponymic formations incorporating ennobling suffixes. The analysis highlights the particular function of geographical term-formants (*-berg*, *-dal*, *-holm*, *-lund*), which, in the Ingemanland context, largely lost their original topographic meanings and instead served as markers of social status. The obtained results indicate that the Swedish toponymic system of 17th-century Ingemanland, despite its relative scarcity, represents a unique cultural-historical phenomenon, reflecting complex processes of ethnocultural interaction and administrative-territorial governance in the region.

Keywords

historical toponymy; Ingemanland; Swedish toponyms; deanthroponymic toponyms; deappellative toponyms; transonymization; Swedish naming models; oikonymy; Swedish colonization

For citation

Dmitriev, A. V. (2025). Deanthroponymic and Deappelative Models in Swedish Toponymy of 17th-century Ingemanland: Comparative-Historical Aspect. *Voprosy onomastiki*, 22(3), 206–238. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2025.22.3.034

Received on 11 March 2025

Accepted on 15 June 2025

Введение

Топонимия Ингерманландии — до сих пор белое пятно в прибалтийско-финской ономастике. Лишь относительно недавно к ее изучению пробудился научный интерес, яркое подтверждение чему — последние работы Э. Эрнитса по топонимии водского происхождения [Ernits 2019; 2020a; 2020b]. В них продолжен труд, начатый еще П. Аристе: представлено системное описание топонимов современного Кингисеппского района Ленинградской области (по историческим очагам проживания води), классифицировано более 100 топонимов водского и русского происхождения, для каждого названия приведены исторические и диалектные варианты, подробно объяснена этимология. В итоге водский пласт ономастики Ингерманландии (в том числе антропонимии) изучен сейчас гораздо лучше других пластов [Saar 2015].

Отсутствие фронтальных исследований по ингерманландской топонимии не лучшим образом отразилось на первом словаре топонимов Ленинградской области С. В. Кисловского [1968], который по сути является справочником краеведческого характера, а не серьезным академическим изданием. В 2022 г. вышел историко-топонимический словарь В. Н. Смирнова, который насыщен народными этимологиями и авторскими измышлениями и также далек от научного лексикографического издания [Смирнов 2022].

По Нотеборгскому лену, охватывавшему северную, восточную и центральную части Ингерманландии, колоссальная работа была проделана С. Кепсу [Kepsu 2020]. Из последних отечественных исследований по географическим

названиям региона отметим труд В. Л. Васильева, в котором рассматриваются топонимы *Валдай* в Новгородской области и *Гора Валдай* на побережье Финского залива [Васильев 2023]; статьи краеведа А. В. Крюкова, посвященные проблеме переноса исторических ойконимов на другие объекты в советскую эпоху [Крюков 2021] и топонимам Всеволожского района Ленинградской области, возникшим в 1900–2022 гг. [Крюков 2022]; опубликован также ряд наших работ, в которых рассматривается историческая ойконимия Западной Ингерманландии допетровского периода в связи с реконструкцией историко-топонимического ландшафта региона и составлением историко-топонимического словаря Западной Ингерманландии [Дмитриев 2020; 2021; 2022a; 2022b].

Материал и методы

Исследование топонимии шведского происхождения в Ингерманландии опирается на комплексный анализ обширного массива исторических источников различного типа. Его основу составляют шведские писцовые книги XVII в., содержащие систематические данные об административно-территориальном делении и землевладении. Ценным дополнением к этому источнику служат картографические материалы того же времени, включающие как общие карты провинции, так и специализированные карты дорог, крепостей и отдельных территорий. Существенный вклад в формирование корпуса исследуемых топонимов внесли современные научные труды по исторической географии и топонимии региона, из которых нами были извлечены топонимы шведского происхождения. Для верификации и уточнения данных привлекались материалы шведских архивных налоговых и административных документов, а также российские картографические и статистические источники, позволяющие проследить судьбу шведских топонимов после утраты Швецией контроля над территориями Ингерманландии.

Методологический инструментарий исследования включает в себя прежде всего структурно-семантический анализ, направленный на выявление типовых моделей образования шведских топонимов на территории Ингерманландии. С его помощью удалось выделить и систематизировать различные деантропонимные и деапеллятивные модели, характерные для шведской топонимической практики в регионе. Сравнительно-исторический метод применялся для установления происхождения топонимов и прослеживания их исторической динамики, что позволило выявить закономерности эволюции названий. Этимологический анализ использовался для определения происхождения топооснов и формантов в составе шведских топонимов, а картографический метод помог

локализовать изучаемые объекты и соотнести исторические названия с современными топонимами региона. Компаративный подход позволил сопоставить топонимические модели Ингерманландии с аналогичными моделями, существовавшими на территории самой Швеции, а также в областях с исторически сильным шведским культурным влиянием (Финляндия, Эстония), что дало возможность выявить как общие тенденции, так и региональную специфику.

Результаты и обсуждение

Шведское присутствие в Ингерманландии было по историческим меркам довольно недолгим — менее ста лет. Шведы не были здесь поселенцами, их язык был только языком администрации. По этим причинам шведы не оставили в регионе масштабного топонимического наследия, которое теоретически могло бы стать неотъемлемой частью шведско-ингерманландского мультиязыкового (шведский, водский, ижорский, русский, ингерманландско-финский) и культурного опыта контактирования, как, например, это произошло в финноязычных провинциях Швеции — Остерботнии, Нюланде, Аболанде и на Аландских островах, где этноязыковое контактирование шведов и финнов длилось веками [Pellijeff 1966; Kiviniemi et al. 1977; Zilliacus 2002; Pitkänen 2007].

Суммарным итогом названных работ явился цифровой ресурс «Finlandssvenska bebyggelsenamn» [FSBN]. Он представляет собой электронную версию одноименного справочника, опубликованного Шведским литературным обществом в 2001 г. Веб-сайт содержит около 3 000 топонимов, известных в шведскоязычных и двуязычных регионах Финляндии, — это названия деревень, муниципалитетов, городов, исторических приходов и ландшафтов. Электронная версия, созданная в 2014 г., предлагает более удобный поиск, чем печатная книга, с возможностью искать названия по отдельным элементам, просматривать топонимы на интерактивных картах, получать доступ к объяснениям специальных терминов через всплывающие окна и находить исторические упоминания названий с помощью временной шкалы от 1200-х до 2000-х гг.

На интерактивной карте с сайта [FSBN] видно, что в северной части бывшей Ингерманландии, а также на территории бывшего Кексгольмского лена было несколько поселений, названия которых, помимо собственно русских и параллельных прибалтийско-финских, имеют варианты с отражением влияния шведского языка. Эти названия представлены в основном на территории современного Выборгского района Ленинградской области: Выборг — *Viborg*, Высоцк — *Trångsund*, Каменногорск — *St Andree*, Первомайское — *Kivinäbb*, Поляны — *Nykyrka*, Правдино — *Mola*, Приморск — *Björkö*,

Приозерск — *Kexholm*, Сестрорецк — *Systerbäck*, Советский — *St Johannes*, Элисенваара — *Kronoborg* [Ibid.].

В Эстонии присутствие шведов тоже было достаточно долговременным и вылилось в многовековые культурные и языковые шведско-эстонские контакты, особенно на островах Муху, Вормси, Пакри, Рухну и на полуостровах Сырве, Кихелконна, Паммана, Вятта, Ноароотси (проблема изучения шведскоязычной топонимии этих островов неоднократно поднималась в ряде работ [см.: Eisen 1922; Ilves 2006; Kallasmaa 2010]). Нельзя забывать и о наследии, оставленном шведами в северо-восточных землях Германии, например в Померании [Petrilevitch 2022].

В центре внимания настоящей статьи лежит топонимия шведского происхождения на территории Ингерманландии, а именно официальная ойкономия, отраженная в писцовой документации и на картах XVII в. Цель исследования — выявление, систематизация и структурно-семантический анализ деантропонимных и деапеллятивных моделей в шведской топонимии Ингерманландии XVII в. в сравнительно-историческом аспекте.

В качестве основы для нашей работы мы взяли труд С. Кепсу «Inkerin pogostat» [Kepsu 2020], в котором рассмотрен исторический топонимикон Нотеборгского лена — около 3 300 названий, извлеченных из документов до 1700 г. Это названия существующих ныне и исчезнувших поселений, входивших в исторические Введенский Дудоровский, Воздвиженский Корбосельский, Егорьевский Лопский, Ивановский Куйвошский, Ильинский Келтушский, Никольский Ижорский, Никольский Ярвосольский и Спасский Городенский погосты Ореховского уезда Водской пятини¹. Среди них есть топонимы шведского происхождения (более 50 названий: 1,8 % от общего числа), многие из которых С. Кепсу привел к каноническому виду. Большой частью эти названия имеют антропонимические источники. При этом не все топонимы, вошедшие в работу исследователя, получили этимологические решения.

При отборе топонимов нами использовались четыре строгих критерия:

1) структурный: наличие характерных шведских словообразовательных элементов *-berg*, *-dal*, *-holm*, *-lund* и типичных композитных моделей;

2) документальный: наличие прямой связи именуемого объекта с конкретными шведскими владельцами, что либо засвидетельствовано в источниках, либо выражено через генитивные конструкции типа *Langmans Håff*, *Ribbingz Holm*;

3) хронологический: первая фиксация после 1617 г. при отсутствии в русских писцовых книгах XVI в.;

¹Ныне это Всеволожский, Ломоносовский, Тосненский районы Ленинградской области.

4) функциональный: обозначение объектов шведской административной системы (дворянских усадеб, административных центров, специализированных хозяйственных объектов).

Шведская система фамилий: краткая история развития и классификация

В Швеции фамилии появились относительно поздно — лишь в Средневековье и начале 1500-х гг., преимущественно среди бургеворов немецкого происхождения и некоторых дворянских родов. Примеры немецких фамилий того периода: *Bekman, van Busken, Schimmelpenning*; примеры шведских дворянских фамилий: *Bonde, Gædda, Kagge, Puke*. Многие дворянские фамилии имели уничижительный характер: например, *Gylta* буквально означало «Свинья», *Kærling* — «Старуха», *Puke* — «Дьявол» и т. п. [Nyström 2021: 119].

Образование Дворянского собрания (*Riddarhuset*) в 1626 г. — поворотный момент в развитии шведской системы фамилий: они стали обязательными для дворян, причем теперь фамилии должны были официально закрепляться и наследоваться исключительно по мужской линии. Постепенно фамилии распространились и среди недворянских слоев общества, став общепринятыми к середине XVIII в. В отличие от стран Южной Европы, где фамилии естественным образом эволюционировали из прозвищ, шведская система фамилий возникла относительно поздно — как результат сознательного процесса, ориентированного на иностранные образцы и создание имен, подходящих для официального использования. Это привело к доминированию ограниченного числа типов фамилий, преимущественно составленных из элементов «высокого» языка, в то время как личные прозвища (*Get* ‘Козел’, *Lång* ‘длинный’), профессиональные и географические обозначения (*kopparslagare* ‘медник’, *västgöte* ‘житель Вестергётланда’) редко превращались в фамилии [Brylla 2009].

Традиционно шведские фамилии делятся на пять категорий: дворянские (*adelsnamn*), «ученые» (*prästerskapets namn*), буржуазные (*borgerskapets namn*), крестьянские (*böndernas namn*) и солдатские (*soldatnamn*). Ниже с опорой на монографию С. Ниострёма [Nyström 2021] и статьи российской исследовательницы У. П. Природиной [2011] для каждого типа дана характеристика.

Дворянские фамилии часто были двусоставными, с воинственным или геральдическим содержанием: *Ekenskjöld* букв. ‘дубовый щит’, *Grapenhorn* ‘рог грифона’, *Gyllensvärd* ‘золотой меч’ и т. п. При этом в структуру геральдических именований зачастую входили фаунонимы: например, *Björnram* букв. ‘лапа медведя’, *Lejonhuvud* ‘голова льва’, *Svinhufvud* ‘голова

свиньи'. Эти фамилии были двусоставными и, как правило, трех- или четырехсложными, с характерными соединительными элементами *-en-* и *-e*: *Drakenberg* 'Драконья гора', *Ekeblad* 'Дубовый лист', *Gyllenstierna* 'Золотая звезда' и т. п. Некоторые такие фамилии, начинающиеся с определительных компонентов *Gyllen-* 'золотой', *Reuter-* 'рыцарский', *Rosen-* 'розовый', *Stiern(e)-* 'звездный', представляют собой детерминативные сложения и рассматриваются шведскими ономастами как однокомпонентные.

Другая часть таких фамилий состоит из копулятивных сложений, которые описывают два разных элемента в гербе (как, например, фамилия *Lillieström* (1638), указывающая на лилии и потоки в гербе), а также сложений, которые относятся частично к гербу, частично — к недворянскому имени владельца или его происхождению (как в фамилиях *Bråkensköld* (1647) 'Щит битвы' < *Bråk* 'битва'; *Stiernhöök* (1649) 'Звездный ястреб' < *Hökbacken* 'Ястребиный холм'). Такие онимы всегда являются первичными образованиями.

Дворянские фамилии в Швеции представляют собой не просто форму идентификации, а сложную систему социальных и культурных маркеров, отражающих как внутренние процессы формирования шведской аристократии, так и внешние влияния европейской аристократической культуры. Такие имена идеально соответствовали шведскому обществу эпохи великоледжавия и хорошо вписывались в стиль барокко. Эта система развивалась на протяжении нескольких столетий, постепенно трансформируясь от прямого указания на территориальное владение к более сложным формам обозначения дворянского статуса [Andersson 2011].

Одним из прообразов шведских дворянских фамилий являются немецкие дворянские фамилии, которые идентичны топонимам (*Garstenberg*) или состоят из топонима с предшествующим предлогом *von* 'из' (*von Warnstedt*). Среди них наиболее распространены фамилии с определенными конечными элементами, например *-berg* и *-sten* (в.-нем. *-stein*). Такие фамилии стали продуктивным образцом для создания новых имен в Швеции — ср., например, *Cantersten* (1647) от недворянского имени *Cantherus* или *Canter*; предлог *von* также стал в Швеции продуктивным и превратился в чистый «дворянский» маркер, как в случае с *von Lillienhielm* (1654). Значительно позже стали обычными дворянские фамилии, начинающиеся со шведского предлога *af*, как в *af Uhr* (1789). Со временем становилось все более распространенным, чтобы новопожалованный дворянин сохранял недворянскую фамилию.

Особенно интересна практика «нобилизации» — изменения обычных фамилий на более аристократические. Например, поместье *Nässelsta* в Сёрмланде получило название *Stjärnhov* — по имени владельца Карла Кристиана Шернфельта (*Stjärnefelt*) в конце XVIII в.; Оке Аксельссон Натт и Даг

в XVII в. изменил название своего имения *Nockeby* на *Åkeshov*, произносимое (как и сейчас) с ударением на последнем слоге. Название усадьбы *Sundby* у древнего пролива, сохранившегося ныне только как река Бэллстаон к северу от Стокгольма, было аналогично «облагорожено» ее владельцем в 1775 г. — до *Sundbyberg*² [Nyström 2021: 24].

«У ч е н ы е» ф а м и л и и носили образованные подданные Швеции, в том числе духовенство. Такие фамилии оканчивались на *-us* (*Corvinius*, *Halenius*) или *-ander* (*Blackander*, *Valander*).

Б у р ж у а з н ы е ф а м и л и и имели представители недворянских сословий, включая зажиточных горожан. Этот тип представлен простыми одноделевентными онимами вроде *Berg* и *Holm*, производными именами (*Berger*, *Fröding* и *Sundin*) и, главным образом, двусоставными именами (*Holmgren*, *Lindström*, *Lundgren*, *Norstedt*, *Sjöberg*, *Uppman*), имеющими большое сходство с двусоставными дворянскими фамилиями. Такие фамилии часто образовывались в рамках модели «название природного объекта + географический термин», т. е. связаны с топографическими характеристиками местности.

К р е с т ь я н с к и е ф а м и л и и состояли исключительно из патронимов: такие фамилии, как *Andersson*, *Eriksson*, *Johansson*, *Karlsson*, *Nilsson*, и в наши дни носит более 10 % населения страны. Сельские жители продолжали обходиться преимущественно патронимическими именами до конца XIX в. [Frändén 2010: 142–143]. С течением времени патронимы на *-son* стали наследственными, в то время как онимы на *-dotter* исчезли. Исследование антропонимикона г. Боргхольм на о-ве Эланд показало, что к 1900 г. патронимы на *-dotter* были в основном заменены фамилиями на *-son*. Такая фамилия могла быть образована от патронима женщины или унаследована от патронима отца. С принятием в 1901 г. первого шведского закона о фамилиях использование наследуемых фамилий стало обязательным для всех граждан страны. Согласно постановлению, все должны были иметь и использовать фиксированные наследуемые фамилии, а не патронимы, которые менялись от поколения к поколению³ [Nyström 2021: 123].

Особую группу составляют с о л д а т с к и е ф а м и л и и (например, *Flink* букв. «Проворный», *Modig* «Храбрый», *Stark* «Сильный»), которые

²Более подробные пояснения к топониму см. ниже.

³Интерес к принятию новых фамилий был очень велик, и Швеция, как говорят, является страной с наибольшим числом смен фамилий в мире. Между 1920 и 1952 гг. было утверждено около 64 000 новых фамилий, т. е. примерно 2 000 новых фамилий утверждалось ежегодно. Исследование смены фамилий в 1940 г. показывает, что в 95 % случаев это была замена фамилий на *-son* новообразованными онимами шведского происхождения, например *Bjälming*, *Eberhult*, *Javelin*, *Wejbro* [Brylla 2002: 67; Frändén 2010: 184–185].

стали важной частью шведского антропонимикона. С введением военной повинностной системы в 1682 г. приходы были разделены на участки (*rotar*), каждый из которых должен был содержать солдата. С целью отличия от крестьян солдатам присваивались особые фамилии. Многие из них были образованы от названия участка; другие восходят к характеристикам (*Rask* букв. ‘быстрый’, *Vänlig* ‘дружелюбный’) или к обозначениям животных и растений (*Falk* «Сокол», *Hassel* «Лещина») [Nyström 2021: 98–102, 119–124, 130; Природина 2011: 11, 131–136; 2019: 10–17].

В целом значительная часть шведских недворянских фамилий была образована от названий ферм, хуторов, природных объектов или характеристик местности. Вообще тенденция образования фамилий от названий мест (антропогенных и природных) была особенно сильна среди представителей неблагородных сословий [Brylla 2009]. Даже при создании новых фамилий в XX в. многие шведы предпочитали следовать этой модели, выбирая для своих фамилий «природные», «ландшафтные» компоненты [Frändén 2010: 184–185].

Приведем некоторые интересные примеры таких трансонимизаций, характерных для шведского недворянского антропонимикона XVII–XVIII вв.: ойконим (деревня) *Bensbyn* → фамилии *Benzelius* (1654), *Benslin* (1835) (приход Лулео); хороним (местность) *Berg* → фамилия *Berg* (1642, приход Куддбю); хороним (приход) *Brunskogs* → фамилия *Brunell* (1663, Вермланд); хороним (местность) *Hortlax* → фамилия *Hortling* (1687, приход Питео); ойконим (усадьба) *Klumben* → фамилия *Klumb* (1650, приход Питео); урбаноним *Lindesberg* → фамилии *Lindbom*, *Lindmarck*, *Lindwall* (1742); ойконим (деревня) *Lövsta* → фамилия *Löfgren* (1709, Упланд); инсулоним (остров) *Riddarholmen* (ранее *Gråmunkeholmen*) → фамилия *Gråberg* (1676, Стокгольм); ойконим (усадьба) фин. *Ryöikki* → фамилия *Röökman* (1648); урбаноним *Skara* → фамилии *Scarander*, *Scarenius*, *Scarinus* (1632, Вестергётланд); хороним (приход) *Sperrsätra* → фамилия *Sparrman* (1638, Упланд); хороним (местность) *Storsand* → фамилия *Sandström* (1789, приход Лулео); ойконим (деревня) *Tägneby* → фамилия *Tegnerus* (1677, Эстергётланд); урбаноним *Uppsala* → фамилия *Salgren* (1694) (*Uppsala* ~ *Salgren*); лимноним (озеро) *Wettern* → фамилия *Wettersten* (1691); ойконим (деревня) *Åkerby* → фамилия *Åkerbom* (1709, Упланд); урбаноним *Örebro* → фамилия *Brolenius* (1655) [Nyström 2021: 121–123].

Все приведенные примеры демонстрируют продуктивно работавшую в XVII–XVIII вв. модель **«топоним → фамилия (имя)»**, характерную для людей неблагородных сословий: священников, крестьян, зажиточных горожан, солдат. Это крайне важно в контексте понимания того, как функционировала в ту же эпоху обратная модель: **«фамилия (имя) → топоним»**, которая,

напротив, была характерна преимущественно для дворянского сословия и отражала процессы социального самоутверждения и конструирования аристократической идентичности.

В случаях ономастической «нобилизации», когда дворяне переименовывали свои владения, включая в новые названия элементы собственных фамилий (как в случаях с *Stjärnhov* или *Åkeshov*), мы наблюдаем сознательный акт символического «присвоения» территории через наименование, утверждающий социальный статус владельца. Этот процесс существенно отличался от народной традиции, в которой топонимы эволюционировали естественным образом, отражая географические, исторические, экономические и иные реалии местности.

Ниже мы рассмотрим несколько моделей трансонимизации, связанных с переносом имен и фамилий дворян на наименования различных географических объектов Швеции; при этом будет учтен контекст топонимов Ингерманландии из списка С. Кепсус.

Деантропонимные модели в топонимии Швеции и Ингерманландии

1. Фамилия «A + B» → топоним «A + C»

Это наиболее интересный и продуктивный случай топонимической трансформации, характерной в прошлом для шведской топонимической системы. Модель демонстрирует усечение фамилии при трансонимизации с сохранением первого компонента и заменой второго. Выше уже был приведен подобный пример — фамилия *Stjärnefält* стала основой для наименования поместья: *Stjärne + fält* (A + B) → *Stjärn + hov* (A + C) [Nyström 2021: 24].

Похожий пример с тем же компонентом *Stjärn* — топоним *Stjärnsund*, именующий в наши дни промышленное поселение в Даларне. Изначально так назывался железноделательный завод, основанный в 1699 г. изобретателем и промышленником Кристофером Польхаммаром и финансистом Габриэлем Шернкрун (*Stierncron*), от фамилии которого был образован первый компонент названия. Второй компонент, *-sund* ‘пролив’, означает, что часть реки, протекавшей через завод, воспринималась как пролив [SOL: 294].

В Сёдерманланда до сих пор бытует топоним *Lagersberg*, называвший в прошлом имение, основанное председателем уездного суда Эриком Лагерквистом (*Erik Lagerqvist*), который жил в XVII в. и получил права на это имение, а впоследствии усадьба была названа в его честь. В этом случае мы видим реализацию той же модели: фамилия *Lagerqvist* → топоним *Lagersberg*, с сохранением первой части антропонима и заменой второй ее части *-qvist*

на географический термин *-berg* [SOL: 184]. Еще один пример — существовавшее в Эстергётланде поместье *Lagerlund*, названное по имени жившего в XVII в. владельца Исаэля Лагерфельта (*Israel Lagerfelt*): до него оно носило название *Ledingelunda*⁴, уходящее корнями в XIV в. [Ibid.: 182]. Есть и другие примеры подобной трансформации: *Fenger-Krog* → *Fengersfors* (Дальсланд), *Igelström* → *Igelfors* (Эстергётланд) [Ibid.: 73, 149].

Имеется также крайне любопытный пример, свидетельствующий о явлении телескопии при образовании шведских топонимов. В Норрботтене есть поселение *Svanstein*. Первоначально название относилось к железоделательному заводу и было образовано от начальных компонентов фамилий *Сванберг* (*Svanberg*) и *Штейнхольц* (*Steinholz*), принадлежавших основателю завода Аврааму Штейнхольцу и его жене Саре Сванберг (возможно также, что при номинации использовалась фамилия ее отца Сегера Сванберга). В течение XX в. это название стало использоваться для обозначения деревни и — в дальнейшем — прихода [SOL: 304].

Из списка С. Кепсу по Нотеборгскому лену Ингерманландии в рамках рассматриваемой модели попадают следующие топонимы:

Skraggenberg: *Skraggenbärg Håff* (1653); *Skraggenbergh* (1656) = *Skraggen* + *berg* ‘гора’; усадьба принадлежала капитану Симону Скраггеншельду (*Simon Skraggenskiöldh*) [Кепсу 2020: 749] (Никольский Ярвосольский пог., приход Ярвисаари);

Stormberg: *Storm Bergh*; *Stormbergh Håff* (1676) = *Storm* + *berg* ‘гора’; название образовано от фамилии владельца усадьбы Лоренса Эрикссона Стормхатца (*Lårens Ericksson Stormhatz*) [Ibid.: 768] (Никольский Ярвосольский пог., приход Ярвисаари);

Torenbergs Hov: *Torenbärgz Håff* (1653); *Torlundhs Hoof* (1656); *Thorlunda kallas Märtuti Håf* (1693) = *Tor* + *berg* ‘гора’; название образовано от фамилии владельца Торштена Бенгтсона Торвига (*Torsten Bengtsson Torwig*) [Ibid.: 815] (Воздвиженский Корбосельский пог., приход Валкеасаари);

Torlund: *Thorlunda kallas Märtuti Håf*, *Märtuti By* (1693) [Ibid.: 447]; С. Кепсу не дает здесь комментария; возможно, название связано с фамилией *Торвиг* (см. выше) (Воздвиженский Корбосельский пог., приход Валкеасаари);

Trautendorf / Trutendorf: *Capiten Manhaftigh Jakob Trautmanss Godz Trauten dorff* (1656); *Trutendorf* (1689); *Truthendorf* (1693); *Treutendorff* (1696); название деревни произошло от имени ее владельца Яакоба Траутмана (Трутмана) [Ibid.: 820] (Ивановский Куйвошский пог., приход Вуоле).

⁴ В этом примере реализован механизм «нобилизации» названия поместья.

Примечательно, что в топонимах *Skraggenberg*, *Stormberg*, *Torenbergs Hov* компонент *-berg* необязательно означает ‘холм’, ‘гора’, тем более если топография места свидетельствует об их отсутствии. Здесь скорее проявляется еще одна интересная особенность деривационных процессов в шведской топонимии — добавление к основе названия лексемы *-berg* как облагораживающего элемента [Brylla 2009: 119]. Упомянутый выше топоним *Sundbyberg* имеет похожую (с незначительными различиями) историю появления: владелец деревни *Sundby* звали Й. З. Страндберг (*Strandberg*); чтобы увековечить память о своей фамилии, он добавил к названию имения компонент *-berg* [SOL: 302].

Вообще с XVII в. в Швеции стало традицией оформлять названия поместий с помощью формантов *-berg*, *-dal*, *-holm*, *-lund*, а их первоначальная семантика ‘на горе’, ‘в долине’, ‘на острове’, ‘в роще’ стала постепенно стираться в силу тенденции к благозвучности, солидности и репрезентабельности названия [Nyström 2021: 66].

Для западных погостей Ингерманландии, в частности Западного Каргальского, данная модель нетипична. Там названия поместий давались в основном по близлежащим деревням: *Caipalahof* (по д. Кайболово), *Cattila Hoff* (по д. Котлы), *Iamskovitzhof* (по д. Ямковицы), *Kirstavahof* (по д. Керстово), *Kottkohof* (по д. Орлы — фин. *Kotko*), *Onstapelshof* (по д. Онстапель), *Rogovitshof* (по д. Рагвицы), *Rättalahof* (по д. Ряттель), *Soikinahof* (по д. Сойкино); и т. п. Как мы полагаем, это связано с тем, что западная Ингерманландия (Копорский, Ямской лены) находилась на периферии шведского административного контроля, близко к границе с Россией. Здесь, возможно, шведская администрация следовала принципу минимального вмешательства в существующую топонимическую систему, используя модель «название деревни → название поместья» для обеспечения преемственности и стабильности. Восточная же Ингерманландия (центральные районы Нотеборгского лена) была зоной более выраженного шведского административного присутствия и активного дворянского землевладения, поэтому здесь доминировали деантропонимные модели с облагораживающими формантами (*Skraggenberg*, *Stormberg*, *Torenbergs Hov*), отражающие стремление к созданию новой «благородной» топонимии по шведским образцам.

2. Фамилия «А» → топоним «А + В»

Эта модель демонстрирует иные возможности шведского топонимообразования: фамилия (как правило, односоставная) становится основой для первой части двусоставного топонима, а в роли его второго компонента выступает добавленный географический термин. Так, в Сёдерманланде (приход Вестерханинг) есть топоним *Almåsa*, именующий ныне учебный центр,

где проводятся различные конференции и образовательные мероприятия. Некогда это была усадьба, названная по фамилии владельца, инженера-строителя Руне Альма (*Alm*), который приобрел землю в 1928 г. Усадьба располагалась в живописном месте — на вершине горы, откуда топоформант *-ås* ‘хребет’ [SOL: 20].

В списке С. Кепсу находим следующие названия, соответствующие этой модели:

Mörnerholm: *Mörnerholms gräntz* (1649); *Mörnerholm* (1655); *Mörnersholm* (1680); *Mörnerholm* (1695) = *Mörner* + *holm* ‘остров’; название поместья образовано от имени губернатора Ингерманландии Карла Мёрнера [Кепсу 2020: 512] (Спасский Городенский пог., приход Пиетари);

Ribbingsholm: *Ribingsholm Eller Saritz* (1643); *Ribbingz Holm eller Saritz* (1646); *RibbingzHolm* (1650); *Ribbingh Holms hoff* (1656) = *Ribbing* + *s* + *holm* ‘остров’; усадьба названа в честь жены Карла Карлссона Юлленъельма Кристины Риббинг (1593–1656) [Ibid.: 666] (Никольский Ижорский пог., приход Венъюки);

Tavastelund: *Crono Bönderne i Tafwastelundh* (1688) = *Tavast* + *lund* ‘роща’; название происходит от фамилии наследника усадьбы Йохана Таваста (*Johan Tawast*) [Ibid.: 795] (Воздвиженский Корбосельский пог., приход Валкеасаари).

3. Имя «А» → топоним «А + В»

Эта модель аналогична предшествующей, но с тем отличием, что в роли первого компонента выступает личное имя, а не фамилия. В шведском топонимиконе это один из самых распространенных способов словообразования, правда, в списке С. Кепсу нашелся только один пример:

Karlsberg / Karlborgs Hov: *Carlss Bergh Hofflägrät* (1640); *Hofflägrett Carelbergh* (1643); *Carlborgz Håf* (1693) = *Karl* + *s* + *berg* ‘гора’; усадьба Карла Карлссона Юлленъельма, названная по его имени, — *Her Carll Carlsson Gyllenhiälms Godz* (1634) [Кепсу 2020: 277] (Никольский Ижорский пог., приход Венъюки).

В составе подобных названий — преимущественно мужские личные имена. Модель продуктивна и для антропонимов недворянского происхождения. Обнаруживается немало примеров, когда личное имя становилось основой для образования названий населенных пунктов со следующими формантами:

-boda/-böle ‘хижина, сарай, жилище’: *Eringisli* → *Eringsboda*, *Gunhild* (женское имя) → *Gunnilbo*, *Pål* → *Pålsboda* [Nyström 2021: 52]; *Olof* → *Olofsböle*, *Pål* → *Pål böle* [Ibid.: 55];

-by ‘деревня’: *Erik* → *Exarby* (*Exsareby* — 1540), *Faste* → *Fastarby* (*Fastareby* — 1542) [Ibid.: 53]. В западных провинциях Швеции (Бохюслен,

Дальсланд и Вермланд) в топонимах на *-by* много личных имен древнего, дохристианского типа: *Åsgöt* → *Askeby*, *Frösten* → *Frestersbyn*, *Grim* → *Grindsby*, *Leif* → *Lexby*, *Sigrid* → *Siribyn* [Nyström 2021: 54]. Как видно, по преимуществу это мужские имена, женское встретилось лишь одно — *Sigrid*;

-sta (< *-stad*) ‘город’: *Folke* → *Folkesta*, *Gisle* → *Gistad* (*Gislastadhum* — 1375), *Hamund* → *Homsta* (*Hamundastadhum* — 1344), *Ingefast* → *Ingvasta* [Ibid.: 63];

-sätter ‘пастбище, сенокос’: *Fridhger* → *Friggesäter* [Ibid.: 64–65];

-torp ‘хутор, двор’: *Karl* → *Karlstorp* [Ibid.: 66–67].

Встречаются также случаи, когда основным образующим структурным элементом топонима становится женское имя (не только фамилия, как в случае с приведенным выше примером *Ribbingsholm*). Например, в Сконе до сих пор сохранилась историческая усадьба *Charlottenlund*. Первоначально поместье называлось *Snårestad* (оно было частью церковной деревни *Snårestad*), а с 1803 г. стало называться в честь Шарлотты Варендорф, жены владельца, Эрика Руута [SOL: 56]. Другие подобные примеры: *Anna* + *berg* → *Anneberg* (Холланд) [SOL: 23]; *Botild* + *säter* ‘отдаленный / высокогорный луг’ → *Botilsäter* (Вермланд) [SOL: 45]; *Disa* + *ryd* ‘участок, освобожденный от леса’ → *Diseröd* (Бохюслен) [SOL: 60]; *Gróa* + мн. ч. *bo* ‘жилище’, ‘усадьба’, ‘хутор’ → *Gråbo* (Вестергётланд) [SOL: 95]; и др.

Впрочем, таких примеров немного. Как можно видеть по материалам [SOL], в образовании топонимов мужские личные имена участвуют намного чаще женских, их доля составляет около 5 % от общего числа всех топонимов в словаре (около 300 из 6 000), а доля женских имен — лишь 0,3 % [SOL]. Наиболее редки, а возможно и вообще единичны, случаи, когда основой для создания топонима становились и имя, и фамилия женщины. Так, название населенного пункта *Charlottenberg* в Вермланде (округ Йессе) восходит к Шарлотте Берг, первой жене владельца железоделательного завода, основанного в 1829 г. [SOL: 57].

Необходимо подчеркнуть, что в Швеции в течение длительного времени формировалась параллельная с дворянской система трансонимизации, когда имя (или часть имени) крестьянина, владевшего хуторской усадьбой, становилось ее названием (*hemmansnamnet*). Этот специфический тип именования отражает тесную связь шведской сельской культуры с землевладением и родовой принадлежностью: имя человека непосредственно указывало на его происхождение и связь с определенным местом.

Как отмечает И. Ларссон, такие онимы (в его терминологии *эконимы*) представляют собой самобытную домашнюю систему имен и фамилий, где антропоним связывал человека не только с его родом, но и с земельной

собственностью [Larsson 1995: 56–57]. Такая практика широко бытовала в Швеции, однако в Даларне, а именно в Носе (*Näs*), она существовала на официальном уровне и документально подтверждена с конца Средневековья до середины XX в.⁵ Среди эконимов есть такие имена, которые изначально могли иметь адресную функцию, т. е. указывать на человека, «происходящего из» или «живущего в» определенной деревне или усадьбе, например: *Finn* указывает на человека из *Näs Finnmark*; *Gärds* — на человека из деревни *Gärde*, переехавшего в *Storbyn*; *Tyn* — на человека, живущего в деревне *Tuna* [Nyström 2021: 126].

Далее в этой онимной цепи зачастую появлялось третье звено: на основе имени-эконима возникали сложные топонимы типа *Finnsgården*, *Gärdsgården*, *Skansgården*, *Östgården*, которые, заметим, не отражались в официальной письменной документации (например, в землемерных книгах) [Ibid.]. Таким образом воспроизводилась модель «**топоним “А” → имя “А” → топоним “А + В”**». Благодаря своим различным смысловым отношениям эконимы интегрировали человека в местное сообщество как социально, так и экономически, и регионально.

Другой пример — человек, в 1851 г.⁶ записанный как *Öst Per Persson*, через свое имя идентифицируется как член рода *Öst* — это, в свою очередь, говорит о том, что его предки определяли себя как жители востока страны. Это также дает человеку по имени *Öst Per Persson* связь с *Östgården*, где он родился, и с землевладением рода, хотя сам он живет не в усадьбе, а в другой части деревни; при этом он владеет и пользуется своей частью унаследованной земли. Его дети и внуки, которые также записаны как *Öst*, конечно, имеют еще меньшее отношение к первоначальному *Östgården*, но и они тем не менее связаны своими именами и с родом, и с отцовской унаследованной землей. Усадьба, которая около 1900 г. называлась *Östgården*, была основана в 1727 г. в деревне *Skansbacken* в приходе Нос, тогда как эконим *Öst* зафиксирован на два поколения раньше. Первый носитель имени записан как *Öst Mats* в 1667 г., и имя соотносит этого человека с его дедом *Östen* и отцом *Östensson* [Larsson 1995: 56–57].

Вместе с тем важно отметить, что данная модель шведских отымененных топонимов не получила широкого распространения в Ингерманландии по той причине, что в этом регионе бытовал принципиально иной тип шведской

⁵ Это касается также частей Хельсингланда, Естрикланда и, возможно, Эстерботтена.

⁶ Интересно, что в шведском законе о личных именах 1982 г. эти онимы признаются официально и могут быть зарегистрированы либо как *gårdsnamn* (фамилии крестьянских хозяйств / усадеб), которые можно носить рядом с личными именами при наличии связи через родство или брак (§ 35), либо как *nybildat efternamn* (новообразованные фамилии) (§§ 12–13) [Namnlag: 670].

колонизации — административно-элитарный, а не поселенческо-крестьянский. Иными словами, роль экономов (выражение связи человека с землей через имя) в Ингерманландии выполняли деантропонимные модели дворянского типа (*Skraggenberg, Stormberg*), отражавшие иную — элитарную — форму территориального самоутверждения. Кроме того, в многоязычной Ингерманландии (шведский, русский, водский, ижорский, финский) экономная система, основанная на тонких генеалогических и земельно-правовых связях, не могла укорениться в среде людей, не являвшихся носителями шведского языка.

4. Фамилия → топоним

Это типовая модель образования топонимов от фамилий влиятельных людей. Например, в г. Лидингё (Уппланд) есть отель и конференц-центр «*Foresta*». Здание было построено в 1906–1910 гг. как частная резиденция по заказу управляющей отелем Вильгельмины Ског (*Skogh*). Считается, что название образовано от англ. *forest* ‘лес’ — на основе кальки с фамилии владелицы. Этот случай представляет интересный пример игры слов в топонимии: англ. *forest* выбрано по причине его семантического сходства с фамилией владелицы *Skogh*, которая в шведском языке также буквально означает «Лес». Такие каламбурные образования в топонимии встречаются нечасто, но они демонстрируют творческий подход к именованию объектов.

Другие примеры рассматриваемой модели:

Gierfeltz Hov: Gierfeltz Håff (1653); ***Öfwersten Wälb: Thomas Gierfeldtz Godz*** (1656) [Кепсу 2020: 162]. Усадьба получила название по фамилии ее владельца Томаса Гирфельца (Воздвиженский Корбосельский пог., приход Валкеасаари);

Langmans Hov: Landzhöfdingen Wälb. Thönes Langmans Godz Langmans Håff (1653) [Ibid.: 387]. Поместье, как следует из исторического варианта названия, получило свое имя по фамилии его владельца (Ильинский Келтуский пог., приход Келтто).

В списке С. Кепсу нами был найден довольно любопытный антропоним (мифоним?), лежащий в основе ойконима *Dellingen* (1640), зафиксированного в шведской документации всего один раз [Ibid.: 141]. С. Кепсу полагает, что *Dellingen* — это параллельный шведский вариант названия прибалтийско-финской деревни *Vellankontu* («Дом брата»), рус. *Велигонты*, относившейся к Дудоровскому погосту (ныне Ломоносовский р-н Ленинградской обл.). Вслед за С. Кепсу мы также считаем, что *Dellingen* — параллельный непереводной вариант фин. *Vellankontu*, имеющий антропонимические истоки.

Нельзя сказать, что фамилия *Dellingen* характерна для Швеции. Г. Эльгеншерна только вскользь упоминает ее в связи с тем, что Петер фон Дельвиг (*von Dellwig*), чьи предки до начала XVIII в. принадлежали к остзейскому

немецкому дворянскому роду, а с 1723 г. вошли в дворянский дом Швеции, женился в 1798 г. на некой Элизабет Деллинген (*Elisabeth Dellingen*), чье происхождение неизвестно [ISAÄ 2: 253], но, вероятно, она тоже была из немецких дворян. Г. Эльгеншерна посвящает ряд биографических описаний личностям с фамилией *Dellingshausen*, которая, очевидно, является производной от *Delling*. У Г. Анрепа этот род указан как *von Dellingshausen*, представленный в дворянском доме Швеции с 1680 г.

В Германии фамилия *Delling* также не является распространенной — известно лишь несколько ее носителей, например, летчик-ас времен Второй мировой войны Август Деллинг, немецкий журналист Герхард Деллинг. Возможно, *Delling* восходит к *Dellingr*: в древнегерманской мифологии это бог утренней зари или рассвета. Важно отметить, что имя этого божества запечатлено и в топонимии Швеции: в Сконе, в лене Мальмёхюс, есть так называемый *Dellings hög* ‘курган Деллинга’. Это действительно объект курганного типа недалеко от деревни *Östra Torp* [ONR].

Завершая рассмотрение деантропонимных моделей, отметим, что в списке С. Кепсу встретились еще такие названия (для которых С. Кепсу затрудняется дать этимологическую интерпретацию):

Giltsholm Hov: *Giltzhålm Håff* (1653) [Кепсу 2020: 162] (Егорьевский Лопский пог.);

Smetsberg Hov: *Smetsbergh Håff* (1653); *Sandz Bergh* (1656) [Ibid.: 710] (Ильинский Келтужский пог., приход Келтто).

Дехоронимная модель

Эта модель соответствует формуле «хороним «А» → топоним «А + В»». В списке С. Кепсу засвидетельствовано только одно название, образованное в ее рамках:

Voleberg: *Wålebergz Hooff* (1656); в основе названия лежит хороним *Vuola*, *Vuole + berg* ‘гора’ [Кепсу 2020: 889] (Ивановский Куйвошский пог., приход Вуоле).

Деапеллятивные модели

1. Термин «а» + термин «б» → топоним «А + В»

Модель для Ингерманландии нетипичная, в отличие от Западной Финляндии и севера Швеции (Лапландия и Норрботтен). Среди выявленных топонимов встречаются и очевидные кальки прибалтийско-финских названий, и онимы, для которых калькирование в высокой степени вероятно. В связи

с этим важно отметить, что прибалтийско-финские оригиналы часто не фиксировались в шведских источниках или были утрачены. Шведская административная практика могла систематически заменять «неблагозвучные» местные топонимы (особенно названия официальных объектов) шведскими кальками. Примеры реализации модели:

Alelund: *Osinowa Klotz eller Alelundh* (1618) [Kepsu 2020: 566]. С. Кепсу не приводит этимологию этого названия; на наш взгляд, в его основе лежат два шведских слова: *al* ‘осина’ и *lund* ‘роща’. Не исключена калька с финского: в приходе Туутари была д. *Осиновое* (1504–1505), название которой в одном из вариантов выглядело как *Hapakylla eller Osinowa* (1639) [Ibid.] (Введенский Дудоровский пог., приход Тюрё);

Björkenlund: *Biölckenlundh Hoof* (1656); *Missutina eller Biörkelundh* (1677); название образовано от апеллятивов *björk* ‘береза’ и *lund* ‘роща’ [Ibid.: 125] (Воздвиженский Корбосельский пог., приход Хаапакангас);

Duderberg: *Duderoffz Bärgh* (1649); *Duders bärgh by* (1653); *Duderbergh* (1656); переводной эквивалент фин. *Tuutermäki* [Ibid.: 147] (Введенский Дудоровский пог., приход Туутари). В свое время Й. Миккола связал германизированную топооснову *duder-* с фин. *tuutari* (*tunturi*), которое, по мнению ученого, имеет восточносаамское происхождение и прослеживается в заимствованном в русский язык слове *тундра* [Mikkola 1901]; А. И. Попов считал возможным и происхождение топоосновы *duder-* от саам. *douddar* ‘возвышенность’ [Попов 1981: 147];

Klockarebolet: *Klåckare Bohlet* (1693) = от *klockare* ‘звонарь’, *bol* ‘хутор, небольшое крестьянское хозяйство’ и определенного артикля *et* [Kepsu 2020: 314] (Никольский Ижорский пог., приход Венъюки);

Sandsberg: *Sandz Bergh* (1656) = *sand* ‘песок’ + *berg* ‘гора’; возможно, так назывался двор, построенный на песчаном холме; на этом месте располагалась усадьба Антониуса Юхана Нирота [Ibid.: 710] (Ильинский Келтушский пог., приход Келтто);

Sjöstranden: *Siöstranden* (1698); поселение предположительно находилось на берегу оз. Вуолаярви (*Vuolajärvi*), от *sjö* ‘озеро’ и *strand* ‘берег’ [Ibid.: 748] (Ильинский Келтушский пог., приход Келтто);

Stenbäck Hov: *Steenbäck Hooff; Wälb: Petter Lofeldtz Godz* (1656); *Steenbäck Håff* (1676); в основе лежат апеллятивы *sten* ‘камень’ и *bäck* ‘ручей’ [Ibid.: 766]. Из приводимого С. Кепсу топонимического ряда мы видим и имя владельца поместья — это некто *Petter Lofeldt*. В середине XVII в. он был владельцем двух усадеб в Ингерманландии: *till Stenbäck och Kupanits* (последнее — это Губаницы) [ISAÄ 5: 64] (Никольский Ярвосольский пог., приход Ярвисаари);

Strandkvarteret: *Strand Quarterett* (1639); *Wedh Strandenn Quarter* (1643); *Strandz Quarter* (1673); *Strand Qwarterhret* (1693); *Strandh Qwarteer* (1696) = от *strand* ‘берег’, *kavrter* ‘четверть’ и определенного артикля *et*, т. е. деревня получила название по своему расположению: «прибрежной четвертью» шведы называли ту часть Дудоровского погоста, которая была расположена на побережье Финского залива [Кепсу 2020: 769]. Предложная конструкция *Wedh Strandenn Quarter* (швед. *vid* ‘у, вблизи’) указывает на то, что деревня возникла недалеко от этой четверти (Введенский Дудоровский пог., приход Туутари);

Tegelbruk / Tegelladan: *Tegell bruck* (1643); *tegellada* (1650); *Tegellada* (1680); *Tegelbruk* (1701) / *Tegell Ladu* (1639); *Widh Tegell Ladun* (1641); *Wedh Tegelladan* (1643); *Tegellbruk, Tegell Katto by* (1680); *Tegelladan* (1681, 1701); С. Кепсу поясняет, что это были два разных кирпичных сарай (швед. *tegel* ‘кирпич’ + *ladu* ‘сарай’, ‘склад’) или два кирпичных завода, рядом с которыми также жили люди [Ibid.: 795] (Спасский Городенский пог., приход Пиетари);

Torpareby: *Tårpare by* (1650, 1653); С. Кепсу указывает, что в этой деревне жил арендатор (швед. *torpare*) по имени Матц Пепи (*Torpparen Matz pepi*), что, скорее всего, являлось его прозвищем [Ibid.: 815] (Введенский Дудоровский пог., приход Туутари);

Vardenberg Hov / Vordeborgs Hov (фин. *Vartiomäki*): *Wardenbärgz Häff* (1676); *Wårdeborgz Häff* (1653); *Wålonbergh Hoof* (1656) = от *vård* ‘охрана, стража’, *berg* ‘гора, холм’ и *hov* ‘двор, усадьба’. Шведский вариант финского названия усадьбы *Vartiomäki* [Ibid.: 861, 892] (Воздвиженский Корбосельский пог., приход Токсова).

Среди топонимов данной модели встретился довольно интересный пример предложной конструкции *I Skog* (1646), что буквально означает «В лесу» [Ibid.: 230]. По мнению С. Кепсу, это была часть д. Риехкала (*Riehkala*) на лесном участке. Возможно, когда деревня только начинала строиться, переписчики занесли в реестр недавно определенный для строительства участок земли.

Анализ материала по Западной Ингерманландии

В Западной Ингерманландии располагалось несколько географических объектов с названиями шведского происхождения, которые нам удалось выявить на основе писцовых книг и картографических материалов: это ойконимы *Blekens*, *Bodberga*, *Bornhagen*, *Cronberg*, *Fletenberg*, *Järmoberg*, *Lernberg*, *Liljenbacka*, *Liljenhagen*, *Magerborg*, *Rådshof*, *Sandberg*, *Ängsва*. Для данного

исследования мы отобрали три самых «проблемных» топонима — *Blekens*, *Bornhagen* и *Fletenberg*; остальные послужат предметом отдельной статьи.

***Blekens*.** Названия двух из пяти дошедших до наших дней карт ингерманландских дорог, выполненных фортификационными офицерами в 1688 г., содержат имя собственное *Blekens*. Это карта № 1 «*Charta Öfver Landswägen igenom Iwangorods Lähn åt Blekens med dess rätta milstolpar afmätt. Anno 1688*» (‘карта дороги по Ивангородскому лену через *Blekens*’) [LV 1] и карта № 2 «*Charta Öfver Landswägen igenom Jahmo Lähn. Blekens eller Caporie wägen*» (‘карта дороги через Ямской лен, иначе называемая *Blekens*, или Копорская дорога’) [LV 2]. В титуле карты № 2 сказано, что Копорская дорога (а это была «верхняя» дорога от Ивангорода до Ниеншанца, которая далее шла на Нотеборг) по-другому (возможно, неофициально) называлась еще «дорогой через *Blekens*», и, видимо, это был только тот участок, который шел через Ямской и Ивангородский лены. Г. Адлерфельд также повествует об этой дороге, называя ее *chemin de Bleeking* «дорога Bleeking» [Adlerfeld 1740a: 199–200, 201, 202], в англоязычном тексте *the road of Bleeking, Bleeking road* [Adlerfeld 1740b: 14, 15].

Объект с названием *Blekens* не зафиксирован ни на одной из генеральных карт Ингерманландии конца XVII в., как поселение или усадьба он не отмечается и в писцовой документации. По всей видимости, словом *Blekens* шведы в XVII в. называли: 1) какой-то важный ойкономический узел Копорской дороги, находившийся на участке между д. Кикерицы и Ивангородом; 2) сам участок Копорской дороги, идущий от современной д. Кикерицы до Ивангородской крепости. Остается только выяснить, где территориально находился этот узел, ведь если Копорская дорога, как сказано в названии карты № 1, шла через *Blekens*, то этот пункт находился возле тракта.

На этот вопрос отвечают русские и шведские писцовые книги. В XVI–XVII вв. в устье р. Солка (приток р. Луга) на правобережье Луги находилась д. Терпигора (1571) [НПК: 889; МИГНЗ: 455]. В годы московской власти она относилась к Ямскому окологородью, с приходом шведов отошла к Перовскому погосту Ивангородского лена.

За все время своего существования деревня ни разу не подвергалась опустошению. Даже в годы Ливонской войны она не запустела, как многие другие, в том числе крупные, населенные пункты — об этом сохранились сведения из материалов собрания «*Baltiska fogderäkenskaper*»: *Therpigordh* [RJ 1585: 35]; *Tärpegård* [RJ 1589: 2]. После 1617 г. д. Терпигора некоторое время была населенным пунктом, но с середины XVII в. стала отмечаться в писцовой документации еще и как усадьба: *Therpina Gora Bij / Therpina gora haf* (1651) [Л 1651: 13].

В октябре 1622 г. деревня была дана в лен Хенрику фон Верденхофу (*Hendrich Wernhoff*)⁷ с целью ее заселения немецкими крестьянами — *at besettia med Tjische bönder* [IR: 153]. С 1633 г. деревней стал владеть род Блекен, а именно потомки Франца-Юлиуса фон Блекена (*Frantz von Bleken*) [Л 1640: 8]⁸. В конце 1630-х гг. здесь возникло поместье. В 1649 г., после смерти Франца-Юлиуса, поместье вместе с деревней перешло его вдове [Л 1651: 13], с 1670 г. оно находилось во владении у одного из его сыновей. В 1687 г. усадьба перешла сыну, Иоганну-Филиппу фон Блекену. Известно, что несколько потомков Франца-Юлиуса фон Блекена служили в кавалерийском дворянском полку в Ингерманландии.

Таким образом, очевидно, что с 1630-х гг. усадьба Терпигора носила также название *Blekens* (суффикс *-s* в данном случае следует рассматривать как посессивный). Это название было неофициальным топонимическим вариантом, который — еще раз подчеркнем — в документах нигде не фигурировал. В связи с этим примечательно, что на карте № 1, которая показывает участок Копорской дороги через Ивангородский лен и, как сказано в названии, идет *åt Blekens* («через Blekens»), не отражено название поместья *Blekens* — вместо него дается *Terpentinagora Hoff* (1688) [LV 1]. Иными словами, в титул карты «просочился» топоним, который существовал только в устном разговорном обиходе.

После того как шведы потерпели поражение в Северной войне и территория от Нарвы до Ладожского озера отошла России, топоним *Blekens* получил вторую жизнь — уже в официальном бытовании. В XVIII в. на землях бывшей д. Терпигора было основано поместье. Мыза, которая находилась между современными дд. Сала и Кошкино в устье р. Солка, в середине XIX в. носила название *Блекенгоф* [СНМ: 212]. Поместье получило название по имени его основателя — генерал-аншефа барона Франца-Вильгельма фон Блекена, предки которого в XVII в. владели имением Терпигора. После смерти барона в 1764 г. имение перешло к его дочери Шарлотте-Марии. Наследница генерала вышла замуж за полковника Иосифа (Осипа) Николаевича Корфа, положив тем самым начало «сальским корням» Корфа, сохранившимся вплоть до революции. Супруги, оставив в Сале хозяйственные заведения, создали свою усадьбу напротив, на правом берегу р. Луга, у впадения р. Солка, и назвали ее по имени владелицы — *Мариенгоф*. После смерти мужа в 1774 г. Шарлотта-Мария продала генеральному консулу шведского купечества не только дд. Кошкино, Свейск и Захонье, но и восточную часть усадебной земли, сохранив за ней

⁷Основоположник немецкого бременского рода в Ингерманландии. Сыновья Хенрика Йост и Клаус в 1652 г. получили дворянство. Клаус фон Верденхоф имел поместье в д. Губаницы. Йост фон Верденхоф получил в лен поместье Скворицы [ISAÄ 8: 741].

⁸Г. Энгельшерна и Г. Анреп ничего не пишут об этой фамилии.

название *Мариенгоф* и отделив ее межевой канавой от западной части. Усадьбу с постройками и парком Шарлотта-Мария переименовала в *Новую Салу*, или *Блекенгоф*, а деревню и усадьбу на левом берегу стали называть *Старая Сала*. Однако на карты XIX в. наносилось название *Мариенгоф*, тогда как в списках населенных мест значилось *Блекенгоф*.

Подводя итог, можно заключить, что форма *Blekens* образовалась в рамках модели «**фамилия “А” → топоним “А”**».

Топонимы, представленные ниже, могут быть, на наш взгляд, иллюстрацией того, как шведские дворяне переносили названия своих родовых поместий на новые территории, особенно в период шведской экспансии XVII в., когда Швеция контролировала территории в Северной Германии, Прибалтике и других регионах. Выше мы уже упоминали феномен «нобилизации» — изменение дворянами названий своих поместий внутри самой Швеции, что демонстрирует практику именной трансформации с целью повышения престижа.

***Bornhagen*:** *Bornhagen* (1667) [Faber]; *Bornhagen* (1682) [EIL]; *Bornhagen* (1683) [Dahl.]. В шведских писцовых материалах нет никакой информации об этом названии. Схематически нарисованная река, на берегу которой располагалось поместье, — это р. Солка, единственная крупная водная артерия на севере Опольского погоста. Сравнение с картой 1682 г. показало, что объект *Bornhagen* находился существенно южнее д. Рагвицы (*Rogowitz*) [EIL]. Кроме того, согласно карте Фабера, поместье *Bornhagen* располагалось на юго-востоке от поместья Керстово (*Kirstoa*) [Faber]; при сравнении с картой 1699 г. мы обнаружили, что на берегу р. Солка, как раз к юго-востоку от поместья Керстово, находилась усадьба Рагвицы (*Rogovitzhof*) [GC33] (см. рис.).

Bornhagen на картах [EIL] и [Faber]

В Швеции есть огромное количество топонимов, содержащих компоненты *Born-* (314 названий) и *-born* (352 названия) [ONR]. Топоформант *-born* является сверхпродуктивным и образует целое гнездо *bor*-имен (> *bor* + артикль *en* > *born*), в которых апеллятив *bor* первоначально означал ‘место для переноски (между двумя водоемами или вдоль водного пути), участок, где переносят (лодки или груз)’ (= ‘волок’), а позже ‘проход вдоль воды’ [SOL: 43]. *Bor*-имена возникали около поселений, находившихся выше, чем водоемы, и соответствующие места могли быть скалистыми, труднопроходимыми, а поэтому воспринимались как препятствия на пути, ср. швед. *bor* ‘холмистая, каменистая и труднопроходимая возвышенность между водоемами’ [Ibid.]. Если этот термин входил в начальный компонент топонима, то в форме *Bor-*; в конце он чаще всего приобретал форму *-born* [Ibid.]. Даже если предположить, что *bor* в значении ‘волок’, ‘холмистая, каменистая и труднопроходимая возвышенность между водоемами’ входил в первую часть двусоставного названия, то «наш» *Bornhagen* находится в таком месте (современное Опольевское сельское поселение Кингисеппского р-на, 59°29'51" с. ш. 28°49'46" в. д.), которое никак не может считаться скалистым и труднодоступным: это равнина, поросшая лесом с редкими открытыми уроцищами, где нет никаких водоемов, кроме р. Солка. Следовательно, возможность именования поместья по топографическим особенностям местности исключается.

Скорее всего, мотивировку названия следует искать за пределами Ингерманландии.

Топоним *Bornhagen* встречается в Германии, а именно в Тюрингии (и, пожалуй, это единственный случай)⁹. В топонимической системе Швеции *Bornhagen* отсутствует, но есть *Borhagen* из семейства *bor*-имен, которое называет угодье в приходе Ованшё (лен Йевлеборг, Гэстрикланд) [ONR].

Вместе с тем в шведском антропонимиконе есть фамилия *Bornhagen*, которая, правда, не представлена в дворянском доме Швеции и, по всей видимости, является сейчас своеобразным атавизмом, хотя еще фиксируется в источниках первой половины XX в. Так, в «Справочнике Шведской туристической ассоциации» за 1928 г. одним из представителей и контактных лиц ассоциации в Чикаго был подданный Швеции — некто *Bornhagen A.* [STK: 208]. В 1922 г. в Гётеборге также были носители этой фамилии, один

⁹ В документах немецкий ойконим *Bornhagen* впервые упомянут в XIV в. в форме *Bornhein*; в XVI в. в Борнхагене располагалась одна из рыцарских резиденций *Bornhof* [Rassow 1909: 32–33]. Поселение, по-видимому, получило свое название по находившемуся рядом водному источнику, поскольку в восточносредненемецком языке *borne* означает ‘колодец’, ‘источник’, ‘свежая вода’ [ThWb 1: 131], *hagen* — ‘изгородь’, ‘ограда’, ‘забор для загона’ [ThWb 2: 271]. В шведском языке, однако, слов с такими значениями нет.

из них — офисный клерк *Johan Bornhagen* [GAIK: 213]. Из справочника государственных дорог Швеции известно, что в 1950 г. начальником станции в Уппхераде (Вестергётланд) работал *John Mauritz Bornhagen* [SSK: 672]. Сегодня в Швеции, как можно судить по антропонимической статистике, представленной на официальном сайте Статистического управления Швеции [SCB], эта фамилия не встречается. Среди шведской знати известен род *von Born*, который прибыл в Шведскую Померанию в XVI в. из Кашубии, а далее распространился по территории Швеции и Финляндии.

Fletenberg: *Fletenberg* (1667) [Faber]; *Raikofwa eller Fletenberg Häff* (1678) [Л 1678: 127]; *Fletenberg* (1682) [EIL]; *Fletenborg* (1683) [Dahl.]; *Raikovahof* (1704) [And.]. Деревню Райково в 1645 г. получил в лен некто Петер Кулман (*Peter Kuhlman*), квартирмейстер из Померании. Позднее на противоположном (левом) берегу р. Систа стало строиться поместье. Усадьба находилась между дд. Малое Райково и Холодные Ручьи. С конца 1650-х гг. селение перешло сыну Петера Кулмана Бенедикту, а в 1675 г. поместье было экспроприировано короной [FFiSO: 242–243].

Трудно сказать, каким образом (т. е. какими ономастическими «путями») это двусоставное название вошло в топонимическую систему Ингерманландии, пусть и на короткий период. О том, что поместье имело во второй половине XVII в. название *Fletenberg*, не говорится ни в одной книге о дворянских родах: биографы Г. Анреп, Ю. Рамсай, Г. Эльгеншерна о *Fletenberg* умалчивают. Более того, нет сведений и о том, что в именослове когда-то присутствовала шведская фамилия *Fletenberg*. У Петера Кулмана были также поместья в Финляндии, но одно называлось *Gammelby*, второе — *Mälkis* [SAÄ 1: 521], поэтому вариант с возможным переносом названия финляндского имения на ингерманландское исключен.

В Швеции зарегистрирован только один топоним *Fleten* — гелоним (название болота) в приходе Калл лена Емтланд. Лексема *fleten* восходит к термину *flat* ‘плоский, ровный’. В связи с этим показательно, что в исторической провинции Швеции Харьедален, в приходе Сторшё (*Storsjö*) есть плато, которое называется *Flatruet*. Это название происходит от апеллятива *flat*, и у него есть южносаамский вариант *Fleete*, который, в свою очередь, является адаптацией шведского диалектного термина *flät(e)* ‘обширная равнинная местность в горах или на болотистой местности’ [SOL: 76]. В самом общем смысле шведский географический термин *flat* (диал. *flät, flad*) имеет значение ‘ровный участок земли’ [SOL: 76, 78].

Учитывая закономерную связь *flet* < *flat* ‘о местности: образующая равнину, не холмистая, плоская, ровная’ [SAOB], в Швеции находим несколько названий *Flatenberg*. Эти и другие топонимы с основой *flat-* типичны для

Даларны и концентрируются в лене Коппарберг, таких названий около двух десятков [ONR]. Среди соответствующих географических объектов — поселения, застроенные территории, природные зоны (холмы / горы), водные каналы, небольшие озера и пруды и даже шахты. Топоним *Flatenberg*, очевидно, мотивирован ландшафтными особенностями местности — наличием возвышенности с плоской вершиной или ровным склоном.

Теоретически топоним мог попасть в Ингерманландию как раз из Даларны, однако владелец поместья был родом из Померании, и нам неизвестны землевладельцы ни до, ни после него. Возможно, *Fletenberg / Flatenberg* Петер Кулман «принес» из той части Померании, где родился, поскольку нашел что-то схожее со своей родиной в ландшафтном облике земель на берегу р. Систа, где стояла усадьба. Мы знаем, что его отец, Йохан Кулман, владел поместьем в *Jamawitz* в Померании, местоположение которого, однако, неизвестно.

Таким образом, однозначно установить принадлежность данного топонима к определенной модели нельзя. Однако с большой долей вероятности название было образовано в рамках модели **«топоним “Т” (R₁) → топоним “Т” (R₂)»**, где Т — топоним, R — регион, территория: название могло быть перенесено владельцем усадьбы из Германии в Ингерманландию.

Заключение

Итак, в рамках настоящей работы нами были решены следующие задачи: 1) определены основные деривационные модели шведской топонимической системы; 2) проанализированы структурно-семантические особенности шведских топонимов Ингерманландии; 3) проведено сопоставление топонимических практик в Ингерманландии с аналогичными практиками в метрополии и на других территориях, находившихся под шведским влиянием; 4) выявлены специфические черты шведской топонимической номинации в условиях иноязычного окружения.

Анализ корпуса топонимов Ингерманландии позволил определить несколько ключевых моделей номинации. Деантропонимные модели, при которых топоним образуется от личного имени или фамилии, составляют наиболее продуктивную группу. Среди них выделяются: модель «фамилия “A + B” → топоним “A + C”» (*Skraggenberg, Stormberg*), модель «фамилия “A” → топоним “A + B”» (*Mörnerholm, Tavastelund*), модель «имя “A” → топоним “A + B”» (*Karlsberg*), а также прямой перенос фамилии на топоним (*Langmans Hov*). Деапеллятивные модели представлены топонимами-кальками с финских оригиналов и конструкциями из двух географических терминов (*Alelund, Björkenlund*).

Исследование показало, что в отличие от территорий со значительным шведским присутствием (Финляндия, Эстония), где шведская топонимическая система развивалась на протяжении столетий, в Ингерманландии шведская топонимия представляла собой преимущественно административно-элитарный феномен. Шведские топонимы возникали главным образом как названия дворянских усадеб и поместий, что отражало процессы социального самоутверждения и конструирования аристократической идентичности.

Выявлена особая роль географических терминов-формантов (*-berg*, *-dal*, *-holm*, *-lund*), которые в ингерманландском контексте утрачивали первоначальное ландшафтное значение и приобретали функцию социального маркирования, придавая названию «благородный» статус.

Особый интерес представляют случаи переноса топонимов из других регионов Шведской империи (*Bornhagen*, *Fletenberg*), что связано с широкими процессами культурно-символического освоения новых территорий.

В целом шведские топонимы Ингерманландии XVII в., несмотря на свою относительную немногочисленность (менее 2 % от общего топонимического фонда), представляют собой уникальный культурно-исторический феномен, отражающий сложные процессы этнокультурного взаимодействия и административно-территориального управления в регионе.

Результаты исследования вносят существенный вклад в понимание топонимической истории Ингерманландии и открывают перспективы для дальнейшего изучения топонимических систем в контактных зонах. Перспектива же наших будущих исследований связана с расширением хронологических рамок для понимания процессов адаптации шведских топонимов в период российского господства, а также с углубленным изучением картографических источников, которые могут содержать неучтенные топонимические варианты. Важным направлением представляется анализ влияния шведских административно-территориальных преобразований на последующее формирование топонимического ландшафта региона, в частности через изучение шведских «следов» в микротопонимии и народной географической терминологии Ингерманландии XVIII–XX вв.

Сокращения

В названиях языков и диалектов

в.-нем. верхненемецкий язык
саам. саамский язык

Источники

МИГНЗ — *Андряшев А. М.* Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятнаша по писцовым книгам 1498–1576 гг. Ч. 1 : Списки селений. М. : Имп. о-во истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1914.

НПК — Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. Т. 3 : Переписная оброчная книга Вотской пятини, 1500 г., 1 половина / ред. П. И. Савваитов, А. И. Тимофеев. СПб. : Тип. Безобразова, 1868.

СНМ — Списки населенных мест Российской Империи. Т. 37 : Санкт-Петербургская губерния. СПб. : Тип. Карла Вульфа, 1864.

Adlerfeld G. Histoire Militaire De Charles XII Roi de Suede: Depuis l'an 1700 jusqu' à la Bataille de Pultowa en 1709, écrite par ordre exprès de Sa Majesté. Vol. 2. Amsterdam : Wetstein & Smith, 1740a.

Adlerfeld G. The military history of Charles XII. King of Sweden, written by the express order of his Majesty, by M. Gustavus Adlerfeld. Vol. 2. London : J. and P. Knapton, 1740b.

And. — General Charta öfwer Provincien Ingermanneland Hvilken Helt noga Uthwijsar Hela Dhes Situation Jämte alle der uthi Belägne Kyrkior, Häff, Býar och Torp, Tillijka medh alle derigenom sträckande större och mindre Wägar samt Pass Item Siöar, Åar och Bäckar, såsom och Lähne samt Pogoste skilddnaderne. af Copierat Här widh Kongl. Maij:ts Landtmäterij Contoir Anno 1704 af det ifrån Narfwen åhr 1703 öfwersände Conceptet Sammandraget af sahl. Ingenieuren Erich Beling så wäll af 1678 åhrs Geomet. Commissions Arbete såsom och alle senare Tijders Mätningar öfwer Nötheborgs Lähns Norra dehl Renoverat aff m(anu) p(ropria) Anders Andersin // Kungliga biblioteket (Stockholm). Kartsamlingen. S. 50, nr. 733, stort format.

Dahl. — Charta öfwer Ingermanland, Estland och Lÿfland Innlefwererat af välb: Öfwerßen Dahlbergh In Octobrj A: 1683 // Krigsarkivet (Stockholm). Utländska kartor. Ryssland, detaljkartor. 0403:32:049.

EIL — Estland, Ingermanland o. Lifland översikt ut. förf., 1600-t. senare hälvt // Riksarkivet (Stockholm). Lantmät. lev. 1850. Nr. 303.

Faber — Karta över Koporie och Jame län i Ingermanland med uppgift om gårdenas ägare, grevarne Gabriel och Bengt Oxenstierna m. fl. 1600-talets senare hälft // Riksarkivet (Stockholm). Kartor o. ritn. Nr. 175b.

FFiSO — *Ramsay J.* Fräsesläkter i Finland intill stora ofreden. Helsingfors : Förlagsek tiebolaget Söderström & Co, 1909–1916.

FSBN — Finlandssvenska bebyggelsenamn. URL: <https://bebyggelsenamn.sls.fi/> (date of access: 10.03.2025).

GAIK — Göteborgs adress- och industri-kalender / utgiven av W. Lindberg. Göteborg : A. Lindgren & Söners Boktryckeri, 1922.

GC33 — Geographisk Carta som tienar till efterrättelse att Rangera och tillhopa foga 33. Special Cartor efter dee Nummern som finnes antecknade i desse indelte qvadrater, som på wart Särskild Royäl arck, hwilke i denn ordning föllia på hvor annan med lÿka anteckning öfwer Curland, Lifland, Estland, Ingermanland och Wýborgs Lähn // Riksarkivet (Stockholm, KrA). 0403 Utländska kartor, Ryssland, detaljkartor. 0403:32:048 26.

IR — Ingermanland. Räkenskaper. 1626–1628 // Riksarkivet (Stockholm). Ostersjoprovinsernas räkenskaper. Nr. 77, Vol. 1.

ISAÄ — *Elgenstierna G.* Den introducerade svenska adelns ättartavlor: Med tillägg och rättelser. T. 1–9. Stockholm : P. A. Norstedt & Söners Förlag, 1925–1936.

JI 1640 — 1640 års Jordebok på Ingermanland // Valtionarkisto (Helsinki). IK 9650.

JI 1651 — Jngermanlandz Jordebook mädh Kexholms Vägge Lähn Pro Anno 1651 // Valtionarkisto (Helsinki). IK 9681.

JI 1678 — [s. n.] // Valtionarkisto (Helsinki). IK 9733.

LV 1 — Charta Över Landswägen igenom Iwangorods Lähn åt Blekens med dess rätta milstolpar afmätt. Anno 1688, № 1 // Krigsarkivet (Stockholm). 0425:09:032, b1 (Sveriges Krig).

LV 2 — Charta Över Landswägen igenom Jahmo Lähn. Blekens eller Caporie vägen, med dess rätta millstolpar, afmätt. Anno 1688, № 2 // Krigsarkivet (Stockholm). 0425:09:032, b2 (Sveriges Krig).

Namnlag. URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-och-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/namnlag-1982670_sfs-1982-670/ (date of access: 10.03.2025).

ONR — Ortnamnsregistret. URL: <https://ortnamnsregistret.isof.se/place-names> (date of access: 10.03.2025).

RJ 1585 — Arliga Rentan aff 6 Sochner Wdi Jamagårådz Läen Pro Anno 1585 // Riksarkivet (Stockholm). Bf. 418:18.

RJ 1589 — Ahrlige Räntan på 6 Sochner vthi Jamagoråtz lähn Jtem Manntalet Samp Copier af Kon: Mittz: bref och quitanzier anno 1589 // Riksarkivet (Stockholm). Bf. 418:27.

SAOB — Svenska Akademiens Ordbok. URL: <https://www.saob.se/> (date of access: 10.03.2025).

SAÄ — *Anrep G. Svenska adelns ättar-taflor*. D. 1–4. Stockholm : P. A. Norstedt & Söner, 1858–1864.

SCB — All registered persons in Sweden — given names, names normally used and last names. URL: <https://www.scb.se/en/finding-statistics/statistics-by-subject-area/population-and-living-conditions/other-statistics/name-statistics/pong/tables-and-graphs/all-registered-persons-in-sweden--given-names-names-normally-used-and-last-names-with-at-least-two-bearers-not-being-updated/all-registered-persons-in-sweden--given-names-names-normally-used-and-last-names-with-at-least-two-bearers/> (date of access: 10.03.2025).

SOL — Svenskt ortnamnslexikon / ed. by M. Wahlberg. Uppsala : Språk- och folkminnesinstitutet, 2003.

SSK — Sveriges statskalender för året 1950 / utgiven efter Kungl. Maj:ts nädligste förordnande av dess Vetenskapsakademi. Uppsala ; Stockholm : Almqvist & Wiksell Boktryckeri AB, 1950.

STK — Svensk turistkalender: 1933 supplement till årg. 1932. Stockholm : Svenska turistföreningens förlag, 1933.

ThWb — Thüringisches Wörterbuch. Bd. 1–6 / Auf Grund der Sammlungen von V. Michels und H. Hucke. Berlin : Akademie Verlag, 1966–2006.

Исследования

Васильев В. Л. Новый взгляд на топонимы *Валдай* и *Гора Валдай* // Вопросы ономастики. 2023. Т. 20, № 2. С. 41–57. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2023.20.2.015

Дмитриев А. В. Структурирование топонимических данных в свете разработки историко-топонимического словаря Западной Ингерманландии // Linguistica Uralica. 2020. Т. 56, № 4. Р. 241–257. <https://doi.org/10.3176/lu.2020.4.01>

Дмитриев А. В. Славянская ойкономия Западной Ингерманландии XVI–XVII вв. как структурный компонент историко-топонимического словаря (буквы А–Е) // Севернорусские говоры. 2021. № 20. С. 143–167. <https://doi.org/10.30842/01348515202107>

Дмитриев А. В. Славянская ойкономия Западной Ингерманландии XVI–XVII вв. как структурный компонент историко-топонимического словаря (буквы З–М) // Севернорусские говоры. 2022а. № 21. С. 250–279. <https://doi.org/10.30842/01348515202213>

Дмитриев А. В. Структурирование топонимических данных в свете разработки историко-топонимического словаря Западной Ингерманландии (Часть II) // Linguistica Uralica. 2022б. Т. 58, №. 3. Р. 199–235. <https://doi.org/10.3176/lu.2022.3.02>

Кисловский С. В. Знаете ли Вы? Словарь географических названий Ленинградской области. Л. : Лениздат, 1968.

Крюков А. В. К вопросу о перемещении топонимов (на материале ойконимов Ленинградской области) // Севернорусские говоры. 2021. № 20. С. 168–188. <https://doi.org/10.30842/01348515202108>

Крюков А. В. Новые топонимы и новая топонимическая реальность (на материале топонимии Всеволожского района Ленинградской области) // Севернорусские говоры. 2022. № 21. С. 280–308. <https://doi.org/10.30842/01348515202214>

Попов А. И. Следы времен минувших. Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л. : Наука, 1981.

Природина У. П. Антропонимические единицы и их формы в шведском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Лингвистика. 2011. № 2. С. 131–136.

Природина У. П. Отражение специфики флоры и фауны в языковой картине мира шведов // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер. Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 4. С. 10–17.

Смирнов В. Н. А как они еще раньше назывались? Историко-топонимический словарь Каельского перешейка и других земель Водской пятини (по «Переписной книге Водской пятини 1500 года») : в 2 ч. СПб. : Ridero, 2022.

Andersson T. Skandinavische Familiennamengeographie: Westskandinavien // Familiennamen-geographie. Ergebnisse und Perspektiven europäischer Forschung / Hrsg. von R. Heuser, D. Nübling, M. Schmuck. Berlin ; New York : De Gruyter, 2011. S. 1–12.

Brylla E. Ursäkta, hur var namnet? Personnamn i praktiskt bruk. Uppsala : Bombus, 2002.

Brylla E. Andersson, Pettersson, Lundström och ... Beachman. Om nordiska efternamn i sin europeiska omgivning. Uppsala : Bombus, 2009.

Eisen M. J. Roots mälestused Eestis // Eesti kirjandus. 1922. No. 18. S. 18–28.

Ernits E. Vadja asustusnimed // Emakeele Seltsi aastaraamat. 2019. No. 65. S. 23–62. <http://dx.doi.org/10.3176/esa65.02>

Ernits E. Vadja loodus- ja viljelusnimedest // Esuka — Jeful. 2020a. No. 11 (1). S. 163–211. <https://doi.org/10.12697/jeful.2020.11.1.08>

Ernits E. Eesti-Ingeri viljelusnimed // Emakeele Seltsi aastaraamat. 2020b. No. 66. S. 64–90. <http://dx.doi.org/10.3176/esa66.03>

Frändén M. “Att blotta vem jag är”. Släktnamnsskick och släktnamnsbyten hos samer i Sverige 1920–2009. Uppsala : Uppsala universitet, 2010.

Ilves K. Place Names about Life by the Sea — an Archaeological Perspective on the Estonian-Swedish Landscape // Folklore: Electronic Journal of Folklore. 2006. No. 34. P. 87–102. <https://doi.org/10.7592/FEJF2006.34.ilves>

Kallasmaa M. Swedish place-names in Estonia. Some appellative and toponymic aspects // Proceedings of the 21st International Congress of Onomastic Sciences (Uppsala, 19–24. August 2002) / ed. E. Brylla, M. Ohlsson, M. Wahlberg. Uppsala : Institutet för språk och folkminnen, 2010. P. 357–363.

Kepsu S. Inkerin pogostat. Vanha nimistö ja asutus. Helsinki : Kotimaisten kielten keskus, 2020.

Kiviniemi E., Harling-Kranck G., Slotte P., Pitkänen R. L. Der Namenbestand an der Finnisch-Schwedischen Sprachgrenze // Onoma. 1977. № 21 (1–2). P. 426–439.

Larsson I. Dåpp Inger, Tupp Lars och Jacobs Olof. Om gårdsnamn i Nås socken, Dalarna // Nomina Germanica. Arkiv för germansk namnforskning. 1995. No. 21. S. 82.

Mikkola J. J. Muutamista paikannimistä // Virittäjä. 1901. No. 5. S. 100–101.

Nyström S. Namn och namnforskning: Ett levande läromedel om ortnamn, personnamn och andra namn. Version 2. 2021. URL: <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1531251/FULLTEXT01.pdf> (date of access: 10.03.2025).

Pellijeff G. Ortnamnslåن. Några synpunkter // Namn och bygd. 1966. No. 54. S. 84–94.

Petrulevitch A. Ortnamnspolitiken i svenska Pommern. En diskursanalytisk och kontaktonomastisk studie // Namn och bygd. 2022. No. 110. S. 95–130.

Pitkänen R. L. Finnish-Swedish contacts in Finnish nomenclature // Borrowing of place names in the Uralian languages / ed. by R. L. Pitkänen, J. Saarikivi. Debrecen ; Helsinki : [s. n.], 2007. P. 9–26.

Rassow W. Beschreibende Darstellung der älteren Bau- und Kunstdenkmäler des Kreises Heiligenstadt. Halle a. d. S. : Otto Hendel, 1909.

Saar E. Vene õigeusu eesnimed vadja, isuri ja seto keeles // Emakeele Seltsi aastaraamat. 2015. No. 61. S. 167–186. <http://dx.doi.org/10.3176/esa61.08>

Ziliacus K. Forska i namn. Helsingfors : Svenska litteratursällskapet i Finland, 2002.

References

Andersson, T. (2011). Skandinavische Familiennamengeographie: Westskandinavien. In von R. Heuser, D. Nübling, & M Schmuck (Eds.), *Familiennamengeographie. Ergebnisse und Perspektiven europäischer Forschung* (pp. 1–12). Berlin; New York: De Gruyter.

Brylla, E. (2002). *Ursäkta, hur var namnet? Personnamn i praktiskt bruk*. Uppsala: Bombus.

Brylla, E. (2009). *Andersson, Pettersson, Lundström och ... Beachman. Om nordiska efternamn i sin europeiska omgivning*. Uppsala: Bombus.

Dmitriev, A. V. (2020). Strukturirovanie toponimicheskikh dannykh v svete razrabortki istoriko-toponimicheskogo slovaria Zapadnoi Ingemanlandii [Structuring Toponymic Data in the Context of Developing a Historical-Toponymic Dictionary of Western Ingemanland]. *Linguistica Uralica*, 56(4), 241–257. <https://doi.org/10.3176/lu.2020.4.01>

Dmitriev, A. V. (2021). Slavianskaia oikonimia Zapadnoi Ingemanlandii XVI–XVII vv. kak strukturnyi komponent istoriko-toponimicheskogo slovaria (bukvy A–E) [Slavic Oikonymy of Western Ingemanland in the 16th–17th Centuries as a Structural Component of the Historical-Toponymic Dictionary (Letters A–E)]. *Severnorusskie govory*, 20, 143–167. <https://doi.org/10.30842/01348515202107>

Dmitriev, A. V. (2022a). Slavianskaia oikonimia Zapadnoi Ingemanlandii XVI–XVII vv. kak strukturnyi komponent istoriko-toponimicheskogo slovaria (bukvy Z–M) [Slavic Oikonymy of Western Ingemanland in the 16th–17th Centuries as a Structural Component of the Historical-Toponymic Dictionary (Letters Z–M)]. *Severnorusskie govory*, 21, 250–279. <https://doi.org/10.30842/01348515202213>

Dmitriev, A. V. (2022b). Strukturirovanie toponimicheskikh dannykh v svete razrabortki istoriko-toponimicheskogo slovaria Zapadnoi Ingemanlandii (Chast' II) [Structuring Toponymic Data in the Context of Developing a Historical-Toponymic Dictionary of Western Ingemanland (Part II)]. *Linguistica Uralica*, 58(3), 199–235. <https://doi.org/10.3176/lu.2022.3.02>

Eisen, M. J. (1922). Roots'i mälestused Eestis. *Eesti kirjandus*, 18, 18–28.

Ernits, E. (2019). Vadja asustusnimed. *Emakeele Seltsi aastaraamat*, 65, 23–62. <http://dx.doi.org/10.3176/esa65.02>

Ernits, E. (2020a). Vadja loodus- ja viljelusnimedest. *Esuka — Jeful*, 11, 163–211. <https://doi.org/10.12697/jeful.2020.11.1.08>

Ernits, E. (2020b). Eesti-Ingeri viljelusnimed. *Emakeele Seltsi aastaraamat*, 66, 64–90. <http://dx.doi.org/10.3176/esa66.03>

Frändén, M. (2010). *“Att blotta vem jag är”*. *Släktnamnsskick och släktnamnsbyten hos samer i Sverige 1920–2009*. Uppsala: Uppsala universitet.

Ilves, K. (2006). Place Names about Life by the Sea — an Archaeological Perspective on the Estonian-Swedish Landscape. *Folklore: Electronic Journal of Folklore*, 34, 87–102. <https://doi.org/10.7592/FEJF2006.34.ilves>

Kallasmaa, M. (2010). Swedish Place-names in Estonia. Some Appellative and Toponymic Aspects. In E. Brylla, M. Ohlsson, & M. Wahlberg (Eds.), *Proceedings of the 21st International Congress of Onomastic Sciences (Uppsala, 19–24. August 2002)* (pp. 357–363). Uppsala: Institutet för språk och folkminnen.

Kepsu, S. (2020). *Inkerin pogostat. Vanha nimistö ja asutus*. Helsinki: Kotimaisten kielten keskus.

Kislovsky, S. V. (1968). *Znaete li Vy? Slovar' geograficheskikh nazvanii Leningradskoi oblasti* [Did You Know? A Dictionary of Geographical Names of the Leningrad Region]. Leningrad: Lenizdat.

Kiviniemi, E., Harling-Kranck, G., Slotte, P., & Pitkänen, R. L. (1977). Der Namenbestand an der Finnisch-Schwedischen Sprachgrenze. *Onoma*, 21, 426–439.

Kryukov, A. V. (2021). K voprosu o peremeshchenii toponimov (na materiale oikonimov Leningradskoi oblasti) [Toponym Relocation: A Case Study of Oikonyms in Leningrad Region]. *Severnорусские говоры*, 20, 168–188. <https://doi.org/10.30842/01348515202108>

Kryukov, A. V. (2022). Novye toponimy i novaia toponimicheskaiia real'nost' (na materiale toponimii Vsevolozhskogo raiona Leningradskoi oblasti) [New Toponyms and a New Toponymic Reality: A Case Study of the Vsevolozhsk District, Leningrad Region]. *Severnорусские говоры*, 21, 280–308. <https://doi.org/10.30842/01348515202214>

Larsson, I. (1995). Dåpp Inger, Tupp Lars och Jacobs Olof. Om gårdsnamn i Nås socken, Dalarna. *Nomina Germanica. Arkiv för germansk namnforskning*, 21, 82.

Mikkola, J. J. (1901). Muutamista paikannimistä. *Virittäjä*, 5, 100–101.

Nyström, S. (2021). *Namn och namnforskning: Ett levande läromedel om ortnamn, personnamn och andra namn*. Version 2. Retrieved from <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1531251/FULLTEXT01.pdf>

Pellijeff, G. (1966). Ortnamnslän. Några synpunkter. *Namn och bygd*, 54, 84–94.

Petrilevitch, A. (2022). Ortnamnspolitiken i svenska Pommern. En diskursanalytisk och kontaktonomastisk studie. *Namn och bygd*, 110, 95–130.

Pitkänen, R. L. (2007). Finnish-Swedish Contacts in Finnish Nomenclature. In R. L. Pitkänen, & J. Saarikivi (Eds.), *Borrowing of Place Names in the Uralian Languages* (pp. 9–26). Debrecen; Helsinki: [s.n.].

Popov, A. I. (1981). *Sledy vremen minuvshikh: Iz istorii geograficheskikh nazvanii Leningradskoi, Pskovskoi i Novgorodskoi oblastei* [Traces of the Past Times: On the History of Geographical Names of Leningrad, Pskov and Novgorod Regions]. Leningrad: Nauka.

Prirodina, U. P. (2011). Antroponomicheskie edinitsy i ikh formy v shvedskom iazyke [Anthroponymic Units and Their Forms in Swedish]. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Oblastnogo Universiteta. Ser. Lingvistika*, 2, 131–136.

Prirodina, U. P. (2019). Otrazhenie spetsifiki flory i fauny v iazykovo kartine mira shvedov [Reflection of the Specificity of Flora and Fauna in the Language Picture of the World of Swedes]. *Izvestia Iugo-Zapadnogo Gosudarstvennogo Universiteta. Ser. Lingvistika i Pedagogika*, 9(4), 10–17.

Rassow, W. (1909). *Beschreibende Darstellung der älteren Bau- und Kunstdenkmäler des Kreises Heiligenstadt*. Halle a. d. S.: Otto Hendel.

Saar, E. (2015). Vene õigeusu eesnimed vadja, isuri ja seto keeles. *Emakeele Seltsi aastaraamat*, 61, 167–186. <http://dx.doi.org/10.3176/esa61.08>

Smirnov, V. N. (2022). A kak oni eshche ran'she nazyvalis'? Istoriko-toponimicheskii slovar' Karel'skogo peresheika i drugikh zemel' Vodskoi piatiny (po "Perepisnoi knige Vodskoi piatiny 1500 goda") [And What Were They Called Before? A Historical-Toponymic Dictionary of the Karelian Isthmus and Other Lands of the Vodskoia Piatina (Based on the Census Book of the Vodskoia Piatina of 1500)] (Vols. 1–2). St Petersburg: Ridero.

Vasilyev, V. L. (2023). Novyi vzgliad na toponimy *Valdai* i *Gora Valdai* [A New Perspective on the Toponyms *Valdai* and *Gora Valdai*]. *Voprosy onomastiki*, 20(2), 41–57. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2023.20.2.015

Zilliacus, K. (2002). *Forska i namn*. Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland.